

МЕСЯЦА ТРИ НАЗАД...

Мес­яца три на­зад я по­се­щал ю­ве­лир­ные кур­сы. Там же за­ни­мал­ся и ан­глий­ским язы­ком. Пре­по­да­ватель­ница Кэ­трин лю­би­ла за­да­вать не­ожидан­ные во­про­сы. Пом­ню, она спро­си­ла:

— Как ты ду­ма­ешь, бу­дет вой­на?

Я от­ве­тил:

— Вой­на уже идет. То­лько аме­ри­кан­цы это­го не зна­ют.

— То есть как?

— Очень про­сто. В Те­ге­ране зах­ва­ти­ли аме­ри­кан­ское по­со­ль­ство. А это юри­диче­ски — тер­ри­то­рия США. Кро­ме то­го, име­ются пять­де­сят воен­но­плен­ных.

— Что же нам оста­ет­ся де­лать? — спро­си­ла Кэ­трин...

Я не ди­пло­мат, не по­ли­тик и не ге­не­рал. И да­же не аме­ри­канец. Я пы­та­юсь взгля­нуть на это де­ло с жи­тей­ской то­чки зре­ния.

Поведение человека и поведение государства — сопоставимы. Самозащита и обороноспособность — понятия идентичные, разница в масштабах, а не в качестве.

Мои представления о самозащите формировались в лагерях. Там я понял раз и навсегда:

Готовность к драке означает способность ее начать. Если к этому вынуждают обстоятельства.

Можно и воздержаться. Уйти с побитой физиономией. То есть — капитулировать...

Увы, поражение в драке не означает ее конца. Тебя будут избивать систематически. И наконец уничтожат в тебе человека.

То же происходит и с государством.

Готовность к войне означает способность ее начать. Если к этому вынуждают обстоятельства.

Тито говорил:

— Мы будем сражаться до последнего!

Его не тронули. Прожил жизнь уважаемым человеком.

Нечто подобное выкрикнул и Чаушеску. Или намекнул. Его не трогают...

Я слышу разумные трезвые доводы:

— А если — война?! Это значит — конец?! Что может быть ужасней смерти?!

Ужасней смерти — трусость, малодушие и неминуемое вслед за этим — рабство.

Да и не рано ли говорить о смерти? Вон евреи освободили своих заложников, и ничего. Живы-здоровы.

Уметь надо...

НАМ ЧАСТО ЗАДАЮТ ВОПРОС...

Нам часто задают вопрос:

— Какой национальности ваша газета? Русской, американской или еврейской?

Вопрос довольно сложный. Хотя когда-то, в Союзе, он решался элементарно.

У каждого был паспорт. В нем — пятая графа. И в этой графе недвусмысленно указывалось: русский, еврей или, скажем, — татарин.

Я, допустим, был армянином — по матери. Мой друг, Арий Хаймович Лернер, — в русские пробился. Даже не знаю, как ему это удалось. Говорят, теща русская была.

Мой приятель художник Шер говорил:

— Я наполовину русский, наполовину — украинец, наполовину — поляк и наполовину — еврей...

Вот какой был уникальный человек! Из четырех половин состоял...

В общем, устраивались как могли. Кто в греки шел, кто в турки подавался...

Затем началась эмиграция. И повалил народ обратно, в евреи. Замелькали какие-то бабушки из города Шклова. Какие-то дедушки из Бердянска. Мой знакомый Пономарев специально в Гомель ездил, тетку нанимать... Еврейские женихи и невесты резко подскочили в цене...

Начинающего эмигранта Кунина спросили:

— Ты хоть Жаботинского читал?

— Да вы путаете, — удивился Кунин, — это Юрий Власов книгу написал, а Жаботинский, говорят, и читает с трудом...

И наконец — мы здесь. И кончился весь этот дурацкий балаган.

Да будь ты кем хочешь! Кем себя ощущаешь! Русским, евреем, таджиком!..

Теперь о газете.

Мы говорим и пишем на русском языке. Наше духовное отечество — многострадальная русская культура.

И потому мы — РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Мы живем в Америке. Благодарны этой стране. Чтим ее законы. И если понадобится, будем воевать за американскую демократию.

И потому мы — АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА.

Мы — третья эмиграция. И читает нас третья эмиграция. Нам близки ее проблемы. Понятны ее настроения. Доступны ее интересы.

И потому мы — ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА.

Вот так обстоят дела.

Кто-то недоволен?

Переживем.

Ведь свободу, кажется, еще не отменили!

МЫ ЧАСТО ЗАДАЕМ СЕБЕ ВОПРОС...

Мы часто задаем себе вопрос:

— Каков наш гипотетический идеальный читатель? Кто он? Чем занимается? Насколько высок его культурный уровень?

Одни доброжелатели рекомендуют:

— Газета ваша слишком умная. Культура да политика... Пишите больше о спорте... О фудстемпах... О том, где кого зарезали...

Другие, наоборот, советуют:

— Зачем нам спорт? Зачем эти кулинарные рецепты и голливудские сплетни? Пишите больше о духовном, о возвышенном...

Положение наше довольно сложное. И вот почему.

В моем родном Ленинграде издавалось около двухсот газет. Была, например, газета — «За культуру торговли». Или, допустим, — «Мясной гигант». (Орган ленинградского мясокомбината.) Выходила газета «Моряк Балтики». (В которой одно время работал наш президент Борис Меттер.)

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

«Строительный рабочий». (Где начинал Алексей Орлов.) Или — «За кадры верфям». (Где начинал я сам.)

Имелся даже такой печатный орган — «Голос бумажника». (Газета писчебумажного комбината.)

В общем, много было газет. На любой вкус. Все, что угодно, можно было там прочесть. Все, кроме правды...

Здесь — положение иное. Круг читателей довольно узок. Аудитория сравнительно небольшая.

Вот и получается, одна газета должна удовлетворять многим требованиям.

Когда-то, я уверен, здесь будут выходить десятки изданий. Но сейчас об этом рано говорить...

А следовательно, наша газета должна быть разнообразной, многосторонней, универсальной.

Таким же мы представляем и нашего гипотетического читателя.

Это человек любого вероисповедания, ненавидящий тиранию, демагогию и глупость.

Обладающий широким кругозором в сфере политики, науки, искусства.

Отдающий должное как высокой литературе, так и развлекательному чтению.

Чуждый снобизма, интересующийся шахматами и футболом, голливудской хроникой и астрологическими прогнозами.

Это человек, озабоченный судьбами заложников, но готовый увлечься и кроссвордом.

Это человек, уяснивший главное, — мир спасут отвага, доброта и благородство.

Короче, это — обыкновенный человек, простой и сложный, грустный и веселый, рассудительный и беспечный...

Надеюсь, ты узнаёшь себя, читатель?

С ДЕТСТВА НАМ ТВЕРДИЛИ...

С детства нам твердили:

— Бога нет... Материя первична... Человек произошел от гориллы...

Атеистическая пропаганда достигала своей цели. Ее доктрины воспринимались как нечто бесспорное.

Да и сама жизнь отчасти к этому подталкивала. Взглянешь на иного соотечественника — действительно, от гориллы. Причем недавно...

Атеистическая пропаганда достигала также и обратной цели. Значительная часть интеллектуалов пришла к религии. И в этом не только оппозиция государственному материализму. В этом — тоска по утраченной духовности, жажда непосредственных чувств...

И вот мы здесь, на свободе. Утихла борьба за коммунистические идеалы. Спали оковы материалистических доктрин. Отринуты насильственные догмы. Забыты принудительные верования.

Мы сыты, одеты, здоровы. Мы почти так же элегантны, как наши автомобили. Почти так же содержательны, как наши холодильники.

Может, обойдемся вообще без идеалов? Заменяем государственный материализм — бытовым, ежесекундным, обыденным? Разрушим ложные идеи, и да здравствует безыдейность?!

Трудна дорога от правды к истине. Альтернатива правды — ложь. Альтернатива истины — другая истина, более глубокая, более жизнеспособная.

Философский материализм принадлежит к числу глубочайших истин.

Веками противостоит ему истина религии, истина Бога.

Мы, я думаю, находимся где-то посередине...

Среди моих друзей немало обращенных христиан. Есть также обращенные иудаисты. Увы, я не заметил, чтобы они были милосерднее, сострадательнее, а главное — терпимее других людей.

Видимо, такое приходит не сразу.

При этом, я знаю, в лагерях так называемые «религиозники» держались с исключительным мужеством. В тягчайшие минуты они проявляли бодрость духа и готовность к самопожертвованию.

Было заметно, что вера дает им силу противостоять невыносимому гнету.

Заклученные, да и надзиратели, относились к верующим с большим уважением.

Помню, в бараке разоблачили одного стукача. Некто Бусыгин, потомственный скопак, человек далекий от религии, воскликнул:

— Может, Бога и нет! Но Иуда — перед вами!..

Сам я, увы, человек нерелигиозный. И даже — неверующий. Разве что суевеpный, как все неврасники.

И все-таки часто задумываюсь. Я ведь уже далеко не юноша. Придет когда-то смерть и вычеркнет меня.

И что же в результате — лопух на могиле? Неужели это — все, предел, итог?!

Или наши души бессмертны? Но тогда мы обязаны дорожить каждой минутой.

ЭТО ПРОИЗОШЛО В ЛАГЕРЕ...

Это произошло в лагере особого режима. Ээка Чичеванов, грабитель и убийца, досиживал последние сутки. Наутро его должны были освободить. За плечами оставалось двадцать лет срока.

Ночью Чичеванов бежал. Шесть часов спустя его задержали в поселке Иоссер. Чичеванов успел

взломать продуктовый ларь и дико напиться. За побег и кражу ему добавили четыре года...

Эта история буквально потрясла меня. Случившееся казалось невероятным, противоестественным. Но капитан УВД Прищепа мне все объяснил. Он сказал:

— Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. На воле он задохнулся бы, как рыба. Вот и рванул, чтобы срок намотали...

Нечто подобное испытываем мы, эмигранты. Десять, тридцать, пятьдесят лет неволи, и вдруг — свобода. Рыбы не рыбы — а дыхание захватывает...

Восемь эмигрантов из десяти мотивируют свой отъезд нравственными причинами. Мы выбрали — свободу.

А получили — свободу выбора.

Как это непривычно — уважать чужое мнение! Как это странно — дать высказаться оппоненту! Как это соблазнительно — быть единственным конфидентом истины!

Казалось бы, свобода мнений — великое завоевание демократии. Да здравствует свобода мнений! С легкой оговоркой — для тех, чье мнение я разделяю.

А как быть с теми, чье мнение я не разделяю? Их-то куда? В тюрьму? На сто первый километр? Может, просто заткнуть им глотку? Не печатать, не издавать, не экспонировать?..

Появляется в газете спорный материал. На следующий день звонки:

— Вы посягнули на авторитеты! Вы осквернили святыни! Нарушили, затронули, коснулись...

Еще раз говорю — нет святых при жизни! Нет объектов вне критики! Нет партийных указаний! Нет методических разработок! Нет обкомовских директив!

Читатель делает выводы — сам. И другого пути — нет. Вернее — есть. Через советское посольство и кассы «Аэрофлота».

Дальнейшее прошу напечатать жирным шрифтом:

Газета является независимой и свободной трибуной.

Эта трибуна предоставляется носителям разных, а зачастую и диаметральных мнений.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и несет ответственность лишь за уровень дискуссии...

В остальном — дело за читателем!..

Нелегкое это благо — свобода выбора. Помню, зашел я с матерью в кондитерскую лавку на Бродвее. Что-то ей не понравилось. Она и говорит:

— Хорошо бы в жалобную книгу написать. Или позвонить куда-нибудь...

— А может, — говорю, — просто зайти в другую лавку?..

«НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ» —
МОЛОДОЕ ИЗДАНИЕ...

«Новый американец» — сравнительно молодое издание. У нас есть масса проблем: финансовых, творческих, организационных...

Что нас поддерживает? Уверенность в правоте начатого дела. Любовь к газетной работе. Доверие и энтузиазм читателей. И разумеется — благородная помощь коллег-журналистов.

Нас поддержали — «Континент», «Эхо», «Третья волна», «Русская мысль». Я мог бы назвать десятки славных имен...

В этой связи несколько обескураживает позиция, занятая руководством «НРС». Казалось бы, уважаемый печатный орган с многолетней высокой репутацией. Самая популярная русская газета в Америке. Процветающее коммерческое учреждение с миллионными оборотами...

Так логично и естественно было бы поддерживать молодое издание. Или, как минимум, не препятствовать его свободному развитию.

Ведь читательские души — не картошка. А газета — не овощная лавка. Рассуждения вроде: «Это мои покупатели! Уходите из моего квартала!» — здесь неуместны...

Сначала руководство «НРС» отказалось дать условия нашей подписки. (Что, кстати сказать, незаконно.) После этого всем авторам «НРС» было объявлено:

«Тем, кто содействует новой газете, печататься в „НРС“ запрещается!»

В общем: либо — либо! Кто не с нами, тот против нас! Долой инакомыслящих, к стенке, на рею!..

Тут хочется вспомнить момент из прошлого. В 76-м году меня напечатал «Континент». Затем — «Время и мы». Радио «Свобода» неделю транслировало мою повесть... Я тогда жил в Ленинграде. Исполнял мелкую безымянную халтуру для крупнейшего партийного журнала. Редактор (негодяй высшей марки) знал, что я печатаюсь в «Континенте». Он сказал:

— Пока нет указания из Смольного — работай!

И я еще в течение года продолжал халтурить. Печатался одновременно в СССР и на Западе. Будучи выгнан из Союза журналистов. Будучи лишен всех иных заработков...

Вспоминается еще один эпизод. Когда-то я работал в партийной газете. Каждую неделю в редакцию приходил человек из обкома. Вынимал из портфеля список. Это был список тех, кого нельзя печатать. И кого нежелательно упоминать. «Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Гумилев...»

Я не знаю фамилии этого человека из обкома. А имя Мандельштам будет жить, пока жив русский язык!..

И последнее. Когда-то я писал заявку на документальный фильм о Бунине. В числе других исходных материалов упоминались записки Андрея Седых¹. Сценарий был запрещен. Редактор «Леннаучфильма» заявил:

— Вы бы еще Милюкова упомянули!..

Мне кажется, тут есть над чем подумать. Не правда ли?

Эх, Бунина нет. Вот бы ему пожаловаться...

НАШИ ДЕТИ ТАК БЫСТРО РАСТУТ...

Наши дети так быстро растут.

Я вспоминаю детские ясли на улице Рубинштейна. Белую скамью. Подвернувшийся задник крошечного ботинка...

Мы идем домой. Вспоминается ощущение подвижной маленькой ладони. Даже сквозь рукавицу чувствуется, какая она горячая...

Меня поражала в дочке ее беспомощность. Ее уязвимость по отношению к транспорту, ветру... Ее зависимость от моих решений, действий, слов...

¹ *Андрей Седых* (Яков Моисеевич Цвибак) — писатель, журналист, в 30-е гг. секретарь И. А. Бунина, с 1973 г. владелец нью-йоркской газеты «Новое русское слово» («НРС»). — (Ред.)

Дочка росла. Ее уже было видно из-за стула. Помню, она вернулась из детского сада. Не раздеваясь, спросила:

— Ты любишь Брежнева?

Я сказал:

— Любить можно тех, кого хорошо знаешь. Например, маму, бабушку. На худой конец — меня. Брежнева мы не знаем. Хотя часто видим его портреты. Возможно, он хороший человек. А может быть, и нет...

— Наши воспитатели его любят, — сказала дочка.

— Вероятно, они хорошо его знают.

— Нет, — сказала дочка, — просто они воспитатели. А ты — всего лишь папа...

Наши дети так быстро меняются. Английский язык им дается легко. Они такие уверенные, независимые, практичные...

Мы были другими. Мы были застенчивее и печальнее. Больше читали. Охотнее предавались мечтам.

Мы носили черные ботинки, а яблоко считали лакомством...

Я рад, что нашим детям хорошо живется. Что они едят бананы и халву. Что рваные джинсы у них — крик моды.

Для того мы и ехали.

Только я не знаю, как это связано, — витамины и принципы, джинсы и чувства... Какая тут пропор-

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

ция, зависимость? Хорошо, если прямая. А если, не дай бог, — обратная?

Надеюсь, все будет хорошо.

Отношения у меня с дочкой прежние. Я, как и раньше, лишен всего того, что может ее покорить.

Вряд ли я стану американским певцом. Или киноактером. Вряд ли разбогатею настолько, чтобы избавить ее от забот. Кроме того, я по-прежнему не умею водить автомобиль. Совершенно равнодушен к частной жизни знаменитой актрисы Лорен Бокал. (Такая фамилия подошла бы неопохмелившемуся флотскому офицеру.) И главное — плохо знаю английский. Что делает меня иногда совершенно беспомощным...

Недавно она сказала... Вернее, произнесла... В общем, я услышал такую фразу:

— Тебя наконец печатают. А что изменилось?

Короче, у нас все по-прежнему. И я всего лишь — папа...

ЕСТЬ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ...

Есть в советской пропаганде замечательная черта. Напористая, громогласная, вездесущая и непрерывная — советская пропаганда вызывает обратную реакцию.

Критикуют фильм — значит, надо его посмотреть. Ругают книгу — значит, стоит ее прочитать. На кого-то персонально обрушились — значит, достойный человек...

Один знакомый лектор (из прогрессивных) жаловался мне: «На тысячу вопросов готов ответить. Есть два, которые меня смущают. Хоть с работы увольняйся!.. Первый вопрос. Отчего в дружественном Египте нет коммунистической партии? А во вражеском Израиле есть? И притом целых две... И второй. Насчет Сахарова. Правда ли, что он — Герой Социалистического Труда? Да еще трижды?..»

Десятки раз я слышал:

«Вот напишу академику Сахарову! Поеду в Москву к академику Сахарову!»

И адреса-то человек не знает. Да, может, и знал бы — не поехал. Русский человек и в жалобную-то книгу не пишет. Душу отведет, востребует книгу, а писать не станет...

Тут важно другое. Появилось ощущение новой инстанции. Раньше было что? Партком? Где сидят знакомые лодыри и демагоги? Местком? Где те же лодыри и демагоги бегают шестерками перед начальством? Милиция, прокуратура? Да разве они защитят? От них самих защита требуется...

Вот и раздается повсюду:

«Напишу академику Сахарову!»

Тут мне хочется вспомнить один случай. Был я в командировке. Рано утром оказался на псковском автовокзале. В прибежище местных алкашей. Разговорился с одним. Лицо сизое, опухшее, руки трясутся. Сунул я ему два рубля. Алкаш выпил портвейна, немного отошел. Каким-то чудом распознал во мне интеллигента. Видимо, захотел мне угодить. И рассказал такую историю:

«Был я, понимаешь, на кабельных работах. Натурально, каждый вечер поддача. Белое, красное, одеколон... Рано утром встаю — колотун меня бьет. И похмелиться нечем. Еле иду. Мотор на ходу вырубается. Вдруг навстречу — мужик. С тебя ростом, но шире в плечах. Останавливает меня и говорит:

— Худо тебе?

— Худо, — отвечаю.

— На, — говорит, — червонец. Похмелися. И запомни — я академик Сахаров...»

...Я понимаю, что это — наивная выдумка опустившегося человека. И все-таки... Если оставить в стороне убогую фантазию этого забулдыги... Да это же сказка о благородном волшебнике! Ведь именно так создается фольклор! В наши дни. Вокруг конкретного живого человека...

Пусть наивно, смешно. Но ведь это прямая трансформация мечты о справедливости...

Сахаров выслан. Живет в Горьком. Вокруг него — люди. Инстанция существует!

НАЦИОНАЛЬНУЮ ГОРДОСТЬ ПРОБУДИЛА ВО МНЕ...

Национальную гордость пробудила во мне эмиграция. Раньше я этого чувства не испытывал.

Ну, полетел Гагарин в космос. Ну, поднял Власов тяжеленную штангу. Ну, построили атомный ледокол. А что толку?..

Меня удручала сталинская система приоритетов. Радио изобрел Попов. Электричество — Яблочков. Паровоз — братья Черепановы. Крузенштерн был назначен русским путешественником. Ландау — русским ученым. Барклай де Толли — русским полководцем. Один Дантес был французом. В силу низких моральных качеств.

Теперь все изменилось. Нахамкин дом купил. И Никсон дом купил. К Никсону я равнодушен. За Нахамкина — рад.

Бродскому дали «премию гениев». К Солженицыну прислушивается весь мир.

Портреты Барышникова я обнаруживаю в самых неожиданных местах. Например, в здании суда. О Ростроповиче и говорить нечего...

В Нью-Йорке обосновались три бывших московских саксофониста. Сермакашев, Пономарев и Герасимов. Нелепо брать в Тулу — самовар. А в Нью-Йорк — саксофон. Однако Сермакашев

играл у Мела Льюиса. Пономарев — у Арта Блейки. Герасимов записал пластинку с Эллингтоном.

Мы гордимся Зворыкиным и Сикорским. Аплодируем Годунову и Макаровой. Мы узнаем паразитические вещи. Оказывается, Керк Дуглас — наш. Юл Бриннер — наш. Приятель Фолкнера, кинорежиссер Миллстоун оказывается Мильштейном с Украины.

Говорят, Радзиевский стал миллионером. Чем мы хуже господина Рокфеллера!

Недавно я беседовал с фотографом Львом Поляковым. Его работами заинтересовался крупнейший в мире аукцион — «Сотби Парк Бернет». Давно пора. Я ими восхищаюсь двадцать лет.

Честно говоря, я даже за Наврозова обрадовался. Шутка сказать, первый американский журнал из наших...

Происходит что-то неожиданное в сознании. Допустим, я не восхищаюсь прозой Аркадия Львова. Вдруг показывают мне его французскую книгу. Громадный том страниц на восемьсот. И рецензии, говорят, превосходные. Поневоле обрадуешься...

Лимонова проклинаяем с утра до ночи. А между тем в ФРГ по Лимонову кино снимают. И зарабатывает ужасный Лимонов большие деньги. Чему я буду искренне рад.

Потому что это — наши. Хорошие или плохие — разберемся. А пока — удачи вам, родные, любимые, ненавистные, замечательные соотечественники. Вы — моя национальная гордость!

С КАЖДЫМ ГОДОМ...

С каждым годом она все больше похожа на человека. (Не в пример большинству знакомых журналистов.)

Принес я ее домой на ладони. Было это двенадцать лет назад. Месячный щенок-фокстерьер по имени Глаша. Морда кирпичиком. Хвост морковкой. Короче, Глаша была неотразима...

Воспитывали мы ее довольно невнимательно. Кормили чем попало. Зато подолгу с ней беседовали. И я, и мама, и жена. А потом и дочка, когда сама научилась разговаривать...

Глаша росла толковой и мужественной. К трем годам она совершила несколько подвигов. Во-первых, спасла щенка, который тонул. Вытащила его за хвост из лужи. Кроме того, побывала с моим братом на охоте. Первая отыскала след медведя-шатуна.

Очередной подвиг Глаша совершила в Таллине. Я уехал в командировку. Отдал Глашу знако-

мой машинистке из ЦК. Машинистка затопила печь. Раньше времени закрыла трубу. И уснула.

В квартире запахло угарным газом. Все спали. Но проснулась Глаша и действовала разумно. Подошла к хозяйскому ложу и стащила одеяло. А потом громко залаяла...

Днем ей принесли из буфета ЦК четыреста граммов шейной вырезки. Случай уникальный. Может быть, впервые партийные льготы коснулись достойного объекта.

Глаша не интересовалась политикой. Однако лаяла на милиционеров, когда они являлись без приглашения.

Консервы «Завтрак туриста» вызывали у нее аллергию. Как и у меня...

Наконец, мы собрались уезжать. За Глашу пришлось уплатить небольшой выкуп. По три рубля за килограмм. Глашу оценили чуть дешевле нототении. И чуть дороже постной свинины...

В Америке Глаше нравится. Она помолодела и готова выйти замуж. (Скоро дадим объявление в «НРС»...)

Говорят, все эмигранты перессорились. Это не так. Глаша одинаково симпатизирует Вагину и Янову, Бернштаму и Эткинду, Рафальскому и Парамонову...

Глаша часто спит у моих ног. Иногда тихонько стонет. Возможно, ей снится родина. Например,

мелкий частичек в томате. Или сквер в Щербаковском переулке...

Не печалься, Глаша, все будет хорошо.

И прости, что у меня нет хвоста. (В Союзе был, и не один.)

Прости, что у меня есть ботинки и сигареты. И еще — работа по специальности.

В остальном мы похожи. И судьба наша — общая.

ВСЕ МЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ ДАВАТЬ СОВЕТЫ...

Все мы очень любим давать советы. Такое уж государство нас воспитало — советское.

Мы даем советы, потому что всё знаем. Мы знаем, как управлять страной. Как бороться с преступностью. Как вести международную политику. В общем, знаем, как жить.

Хотя сами живем отвратительно. Хуже всех на свете. Хуже китайцев. Те хоть судили вдову председателя Мао. А наш товарищ Молотов, выродок и убийца, разгуливает по Садовому кольцу...

Наконец мы приехали. В чужую непонятную страну. Научились пользоваться туалетной бумагой. Перестали в ужасе шараться от кондиционера. Запомнили пятнадцать английских слов от «чека» до «кеша» — включительно. Стиранные

бюстгальтеры на пожарную лестницу уже не вывешиваем. Короче — осмотрелись.

Америку мы сдержанно похваливаем. Снабжение, мол, хорошее, дублинки, растворимый кофе...

Хотя имеются, конечно же, отдельные недостатки.

Бензин дорожает. От чернокожих житья не стало. А главное — демократия под угрозой. Совсем ослабла. Того и гляди — пошатнется да рухнет. Что делать? А вот что!

Цены на бензин понизить. Велфейр у пуэрториканцев отобрать. Чернокожих — по лагерям и тюрьмам!.. Что, нету лагерей? Значит, надо это дело в стахановском порядке организовать. Кубу — оккупировать немедленно! По Тегерану водородной бомбой — раз!

Иначе — демократии конец!..

Дорогие мои земляки! Советчики и реформаторы! Энтузиасты и преобразователи!

Ради бога, успокойтесь! Американской демократии двести лет. И все эти годы американская демократия слабеет. Все эти годы ей предсказывают скорейшую гибель. Все эти годы дорожает жизнь. Все эти годы чернокожие пугают нас до смерти.

А магазины по-прежнему ломаются от жратвы. А миллионы книг по-прежнему распродают. И по-прежнему звучит гениальная музыка. И тысячи картинных галерей ежедневно распахивают

двери. И мчатся потоком роскошные автомобили. И по-прежнему количество беженцев со всего мира — растёт.

И жить по-прежнему можно только здесь. И не только жить. Но ещё и учить американцев — демократии!

Я ЗНАЮ, ЧТО ВСЕ НАРОДЫ РАВНЫ...

Я знаю, что все народы равны. Знаю, что все они достойны счастья и благоденствия. Да и вообще, какие тут могут быть сомнения?..

Разумом все понимаю. А в сердце живут какие-то необъяснимые пристрастия. И что гораздо хуже — неприятные мне самому антипатии.

Мне трудно избавиться от предубеждения к немцам. Может быть, фашизм тому виной. Хотя фашизм вообще-то итальянское блюдо. А предубеждения к итальянцам — нет. Вот и разберись...

Видимо, есть такое понятие — лицо народа, облик народа. А лица бывают разные. Бывают обаятельные лица, бывают — так себе.

Что же такое — обаяние? Откуда эта способность — без всяких усилий привлекать человеческие души?..

Поляки мне нравились с детства. Даже не знаю — почему. Возможно, благодаря Мицкевичу, Галчинскому, Тувиму...

Довлатов С.
Д 58 Марш одиноких / Сергей Довлатов. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 160 с. — (Азбука
Premium).

ISBN 978-5-389-10982-7

Сегодня Сергей Довлатов — один из самых популярных и читаемых русских писателей конца XX века. Его произведения — та самая великая классика, которая, при всем своем масштабе, остается простой, занятой и доступной любому читателю, независимо от возраста, национальности, «начитанности» или, говоря словами самого Довлатова, «степени интеллектуальной придиричивости». Лев Лосев сформулировал это в простейшей фразе: «Довлатов знал секрет, как писать интересно».

В 1980–1982 годах Довлатов вел рубрику в еженедельнике «Новый американец», являясь его главным редактором. Настоящая книга предлагает вниманию читателей собрание избранных статей той эпохи и дает яркое представление еще об одной грани необыкновенного таланта автора.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
МАРШ ОДИНОКИХ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Елена Шнитникова, Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.10.2018. Формат издания 70 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 7. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-LAP-19813-03-R